

Н.В. Покровский

**Евангелие в памятниках иконографии
преимущественно византийских и русских**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.04
ББК 85
Н11

Н11 **Н.В. Покровский**
Евангелие в памятниках иконографии: преимущественно византийских и русских / Н.В. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 598 с.

ISBN 978-5-458-31272-1

Книга Н. В. Покровского (1848-1917), историка искусства, профессора Петербургской духовной академии, директора археологического института, является фундаментальным и до настоящего времени непревзойденным исследованием евангельской иконографии. Можно смело сказать, что ни одна другая работа на эту тему не достигает точности и широты охвата материала, как этот труд. В работе подробно разбирается складывание главных тем христианства на основе широкого круга самых ранних византийских и славянских памятников: живописи катакомб, икон, фресок, лицевых рукописей и т.п. Книга состоит из трех частей: «Иконография детства Иисуса Христа», «Общественное служение» и «Конечные события евангельской истории», в каждой из которых читатель обнаружит особенности появления и развития таких известных сюжетов, как «Благовещение», «Рождество Христово», «Сретение Господне», «Крещение», «Распятие» и др.

ISBN 978-5-458-31272-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Памятники евангельской иконографіи составляютъ одну изъ самыхъ крупныхъ величинъ въ общей системѣ Церковной Археологіи; а потому уже давно обращено было на нихъ наше вниманіе. Мало по малу они сведены были нами въ особую спеціальную группу и, при помощи ученыхъ изданій и наличной литературы, обслѣдованы съ внѣшней и внутренней стороны. Результаты не оправдали нашихъ первоначальныхъ ожиданій. Оказалось, что существующія изданія памятниковъ византійскихъ и русскихъ крайне недостаточны и не надежны: многіе важнѣйшіе памятники не только не обслѣдованы, но даже и не изданы: выборъ памятниковъ для изданій верѣдко объясняется побужденіями случайными и внѣшними, а не требованіями существа дѣла; снимки съ памятниковъ иногда даютъ превратное понятіе объ оригиналахъ, явно противорѣчащее основнымъ принципамъ православной иконографіи; а существующая ученая литература касается лишь нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ иконографіи Евангелія, оставляя незатронутою цѣлую массу ихъ и почти всецѣло игнорируя проявленіе религіозныхъ идей въ памятникахъ *русскихъ*. Въ виду этого нами предпринятъ былъ рядъ путешествій для изученія памятниковъ на мѣстахъ ихъ находженія—въ Россіи, Греціи, Турціи и западной Европѣ. Здѣсь открылась для насъ возможность узнать многіе памятники совсѣмъ неизвѣстные, или мало извѣстные въ ученой литературѣ, и исправить неточности въ существующихъ уже изданіяхъ и оцѣнкѣ памятниковъ. На основаніи этого матеріала, добытаго преимущественно путемъ личнаго изученія *оригинальныхъ* памятниковъ, и составлено предлагаемое сочиненіе. Относительная неполнота матеріала и недостатки въ методѣ изслѣдованія неизбѣжны въ первыхъ опытахъ подобныхъ работъ; но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что въ нашемъ трудѣ не опущено ничего существенно важнаго и всему дано посильное объясненіе. Опущены съ намѣреніемъ лишь тѣ памятники, которые, представляя собою копіи съ готовыхъ образцовъ, не имѣютъ большой важности въ общей исторіи евангельской иконографіи. Будущія откры-

тія памятниковъ могутъ такъ или иначе отразиться на нѣкоторыхъ изъ нашихъ выводовъ; но собранный нами матеріалъ едва ли утратить свое спеціальное значеніе. Нашимъ постояннымъ и горячимъ желаніемъ было издать въ снимкахъ возможно большую часть собраннаго матеріала, такъ какъ рисунки даютъ читателю точное наглядное представленіе о предметѣ и сообщаютъ ясность основаннымъ на нихъ выводамъ. Но недостатокъ необходимыхъ для этого матеріальныхъ средствъ вынуждаетъ насъ ограничить число рисунковъ. Мы прилагаемъ лишь снимки съ памятниковъ наиболее характерныхъ, отчасти доселѣ нигдѣ еще не изданныхъ, и существенно необходимыхъ для яснаго пониманія нашихъ описаній и выводовъ. Всѣ важнѣйшія изданія памятниковъ обозначаемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, съ цѣлію облегчить для читателя возможность справокъ и повѣрокъ. Если нашъ трудъ возбудитъ въ читателяхъ нѣкоторое уваженіе и любовь къ православной старинѣ, то мы съ спокойною совѣстію можемъ считать свою цѣль достигнутою.

С.-Петербургъ.

Октябрь 1891 г.

Н. Покровскій.

Введение.

Задача настоящаго сочиненія состоитъ въ церковно-археологическомъ изъясненіи изображеній, относящихся къ евангельской исторіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. Иконографія Евангелія, при всемъ разнообразіи памятниковъ древнихъ и новыхъ, восточныхъ и западныхъ, художественныхъ и ремесленныхъ, необходимо стоитъ въ связи съ евангельскимъ текстомъ; однакожь не всегда и вездѣ передаетъ его съ одинаковою точностію и однообразіемъ. Явившись въ древнѣйшую эпоху христіанства въ формахъ простыхъ, она съ теченіемъ времени измѣняетъ свой первоначальный характеръ, по мѣрѣ того, какъ измѣняется отношеніе христіанскаго сознанія къ самому тексту Евангелія и видоизмѣняется общій взглядъ на задачи христіанскаго искусства и иконографіи. Слѣдовательно она до извѣстной степени подчинена закону историческаго развитія. Гдѣ лежитъ первоначальное зерно евангельской иконографіи, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ она развивалась, въ чемъ выражалось это развитіе и къ какому концу оно пришло,—вопросы эти имѣютъ свою неоспоримую важность. Иконографія періода древне-христіанскаго не представляетъ ни широкаго разнообразія въ выборѣ темъ, ни широты богословскаго и художественнаго замысла въ ихъ разработкѣ или иконографическихъ композиціяхъ. Все здѣсь просто, какъ просто и первоначальное христіанство. Христіанская символика каткомъ выражаетъ даже самыя возвышенныя истины христіанства въ формахъ сжатыхъ; въ простой, иногда даже наивной формѣ, она даетъ лишь одинъ намекъ на эти истины, предоставляя самому наблюдателю перенестись мыслію и воображеніемъ въ область вѣчныхъ, превышающихъ средства изобразительнаго искусства, идеаловъ. Сцены историческія также не отличаются здѣсь разнообразіемъ: однѣ и тѣ же темы встрѣчаемъ мы и въ Италіи, и въ Греціи, и въ Сиріи, и въ Египтѣ. Средоточный пунктъ этой иконографіи составляетъ личность Спасителя и чудеса Евангелія. Но въ этотъ періодъ не были еще установлены съ достаточною опредѣленностью ни типы, ни композиціи изображеній, хотя пути къ этой установкѣ намѣчались уже въ IV в. Христіанское искусство находилось подъ сильнымъ вліяніемъ искусства античнаго, утратившаго, правда, къ тому времени свѣжесть энергіи, необходимой для новаго творчества, но сохранившаго красоту и пластичность художественныхъ формъ. Овладевъ этими формами и введя ихъ въ союзъ съ христіанскими идеалами, художники христіанскіе, если они въ то же время успѣли овладѣть всею полнотою содержанія христіанства, какъ религіи, не могли не видѣть крайней недостаточности этихъ формъ для выраженія христіанскихъ идей. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ нужно было удалить, какъ мало соответствующія духу христіанства, другія измѣнить, третьи создать вновь, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого христіанства. Слѣды свободнаго обращенія съ первичными формами замѣтны уже ясно въ скульптурѣ древне-христіанскихъ саркофаговъ; еще яснѣе они выступаютъ въ мозаикахъ IV—V столѣтій, а VI-е столѣтіе уже представляетъ намъ многочисленныя памятники вполнѣ самостоятельнаго христіанскаго искусства, созданнаго въ нѣдрахъ христіанскаго міра, между тѣмъ какъ искусство античное оставило здѣсь лишь нѣкоторый слѣдъ, какъ преданіе отдаленной художественной школы. Кипучая созидаящая дѣятельность въ области собственно христіанскаго искусства сосредоточивается въ Византіи. Византійское искусство наноситъ рѣшительный ударъ пластичности формъ античнаго искусства, но оно значительно расширяетъ художественный кругозоръ и влечетъ мысль и воображеніе въ область возвышенныхъ идеаловъ. Огромная работа предлежала Византіи: нужно было установить основныя типы изображеній отдѣльныхъ лицъ, а это уже требовало

обширных исторических, богословских и художественных познаний, так как эти типы не были лишь простою копіею съ натуры, но составляли результат творчества, хотя бы и не пытавшагося разорвать связь съ дѣйствительною портретностію; нужно было изобрѣсти цѣлыя группы и сложныя композиціи изображеній на темы, предложенныя христіанствомъ. Работа шла быстро, и уже въ VI в. были готовы обширные циклы изображеній въ духѣ византійскихъ воззрѣній на искусство. Типъ Спасителя и композиціи на темы Евангелія были такими предметами, на которыхъ прежде всего должна была сосредоточиться творческая дѣятельность византійскихъ художниковъ. Въ VI вѣкѣ появились уже лицевыя Евангелія съ обширнымъ иконографическимъ содержаніемъ, съ типами и композиціями довольно опредѣленными. Въ то время, какъ искусство древне-христіанское выставляетъ на видъ главнымъ образомъ факты конкретныя, византійское вводитъ въ иконографію элементы отвлеченнаго богословствованія, глубокой мысли, созерцанія. Главнымъ опредѣляющимъ началомъ въ этой дѣятельности для византійцевъ, равно какъ и для художниковъ древне-христіанскаго періода, служилъ текстъ Евангелія; но онъ не былъ единственнымъ источникомъ знанія даже и по отношенію къ личности І. Христа и евангельской исторіи. Преданіе христіанское, въ разныхъ его видахъ и формахъ, должно было находить доступъ въ иконографію; по мѣрѣ того, какъ развивалось это преданіе и переходило въ сознаніе художниковъ, измѣнялась и иконографія: создавались новыя композиціи на темы евангельской исторіи, прежнія композиціи измѣнялись, воспринимали въ себя новыя элементы, явившіеся подъ вліяніемъ этого преданія. Слѣдя такимъ образомъ за развитіемъ иконографіи, мы слѣдимъ вмѣстѣ съ тѣмъ за развитіемъ религіозныхъ и художественныхъ воззрѣній; наблюдая постепенный ростъ иконографіи евангельской, мы наблюдаемъ перемены въ отношеніяхъ человѣческаго сознанія къ евангельскому тексту въ разныя эпохи исторіи, изучаемъ усилія человѣческой мысли подняться на высоту Евангелія и выразить всю глубину и широту его содержанія въ художественныхъ формахъ. Развитіе этихъ формъ продолжается отъ V до XII в., но и послѣдующій періодъ упадка, равно какъ и періодъ втораго возрожденія греческаго искусства—XVI—XVII в. представляютъ не мало любопытныхъ явленій въ евангельской иконографіи, хотя бы эти явленія и были не столько результатомъ органическаго развитія, сколько слѣдствіемъ механическаго комбинированія и нагроможденія элементовъ.—Основныя начала византійской иконографіи усвоены были также и средневѣковымъ искусствомъ западной Европы и легли въ основу многочисленныхъ памятниковъ стѣнописи, миниатюры, рѣзбы, эмали, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней, пока наконецъ не были вытѣснены иными началами въ эпоху ранняго возрожденія западнаго искусства. Изучая эти памятники запада то въ видѣ рабскихъ копій съ образцовъ византійскихъ, то съ явными слѣдами попытокъ выйти изъ шаблонной колеи подражанія, то наконецъ въ видѣ произведеній, въ которыхъ византійская основа совершенно переработана на новый ладъ, мы наблюдаемъ борьбу двухъ культуръ, въ которой новая культура старается сломить старую. Моментъ весьма важный для исторіи не только византійскаго искусства, но и византійскаго просвѣщенія вообще. Иное положеніе заняла византійская иконографія у насъ въ Россіи. Фактъ общепризнанный и несомнѣнный тотъ, что иконографія русская получила свое начало въ Византіи; но до сихъ поръ еще не уяснено съ точностію отношеніе въ этомъ смыслѣ Россіи къ Византіи въ разныя эпохи русской исторіи, а это отношеніе не могло оставаться неизмѣннымъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. На первыхъ порахъ переходили въ Россію лишь простѣйшія и наиболѣе распространенныя иконографическія формы Византіи. Исключенія рѣдки, и являлись они лишь въ памятникахъ, выдающихся по своему значенію, какъ напр. въ кіево-софійскомъ соборѣ. Большинство древне-русскихъ храмовъ довольствовалось въ своихъ стѣнописяхъ изображеніями наиболѣе понятными и употребительными, лицевыхъ рукописей не могло быть много, въ домашнемъ употребленіи были простыя иконы. Общая сумма наличныхъ образовательныхъ средствъ также на первыхъ порахъ не могла быть очень велика. И если въ общемъ составѣ памятниковъ древне-русской иконографіи можно найти, въ эпоху древнѣйшую, нѣкоторыя проявленія русскаго творчества, то въ иконографіи евангельской мы не находимъ ихъ. Сравнивая съ этой стороны памятники русскіе съ византійскими, приходимъ къ заключенію о тождествѣ проходящихъ въ нихъ формъ, воззрѣній, понятій. Единственный результатъ отсюда—убѣжденіе въ генетической зависимости русской иконографіи отъ византійской. Но по мѣрѣ приближенія къ XVII вѣку, положеніе дѣла измѣняется. Какъ дошедшіе до насъ памятники, такъ и ясныя свидѣтельства древней письменности удостовѣряютъ, что наша иконографія Евангелія начинаетъ обогащаться притокомъ формъ, ведущихъ свое родословіе отчасти отъ новогреческой, отчасти отъ западной иконографіи, отчасти созданныхъ самими русскими художниками; въ то же время нѣкоторыя древнія византійскія формы исчезаютъ изъ художественнаго обращенія, или входятъ въ новыя комбинаціи. Перемена эта опять-таки стоитъ въ связи съ переменною въ религіозныхъ и художественныхъ воззрѣніяхъ: въ ней отразился переходъ отъ эпохи «вѣры въ простотѣ сердца» къ эпохѣ пытливаго знанія. Всѣ эти стадіи

въ исторіи византійскаго и русскаго искусства должны получить точное разъясненіе въ разборѣ памятниковъ евангельской иконографіи. Но указаніе намѣченныхъ эпохъ опредѣляетъ лишь общее движеніе византійско-русской иконографіи. Между тѣмъ въ исторіи многихъ отдѣльныхъ изображеній нерѣдко приходится имѣть дѣло также и съ частными причинами, вызывающими перемѣны и развитіе формъ въ одномъ какомъ либо изображеніи, что значительно осложняетъ задачи изслѣдованія.—Изъ сказаннаго видно, что наше изслѣдованіе направляется къ цѣлямъ археологическимъ и историческимъ, но не къ практическимъ. Конечно, классификація иконографическихъ формъ и распредѣленіе ихъ по эпохамъ, съ указаніемъ особенностей, свойственныхъ той или другой эпохѣ, можетъ послужить критеріемъ въ дѣлѣ распознаванія вновь открываемыхъ памятниковъ и хронологическаго опредѣленія ихъ, что составляетъ уже результатъ практическій. Едва ли можно оспаривать также и то, что правильное начертаніе задачъ для нашей новой распатанной иконографіи возможно только послѣ тщательнаго изученія памятниковъ старины, какъ многочисленныхъ попытокъ рѣшенія подобныхъ задачъ въ разные времена: изученіе опытовъ прошедшаго полезно въ начертаніи плановъ будущаго. Но въ настоящій разъ задачи практическаго приложенія археологическихъ знаній мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ предметъ спеціальнаго церковно-практическаго вѣдѣнія въ союзѣ съ художественною техникою, и удержимся въ области знанія историко-археологическаго: *scribitur ad parandum, non ad probandum*.—Какими же путями возможно придти къ удовлетворительному рѣшенію намѣченныхъ задачъ? Единственно возможный, по нашему убѣжденію, путь заключается въ сравнительномъ изученіи вещественныхъ памятниковъ старины съ памятниками древней письменности. Приведеніе въ извѣстность и необходимая критика первыхъ покажетъ историческій ростъ иконографическихъ формъ, ихъ видоизмѣненія въ разные времена, а памятники письменности дадутъ объясненіе внутреннихъ основаній или мотивовъ, вызвавшихъ эти измѣненія. Объяснимъ это.

Недостатокъ подготовительныхъ сборниковъ и работъ по исторіи евангельской иконографіи въ Византіи и Россіи ставитъ изслѣдователя прежде всего въ положеніе собирателя матеріала. Нельзя ставить широкихъ задачъ изслѣдованія въ области археологіи до тѣхъ поръ, пока не приведены въ извѣстность отдѣльные памятники. Чѣмъ больше мы имѣемъ такихъ памятниковъ, тѣмъ лучше, тѣмъ ближе къ истинѣ основанное на нихъ заключеніе. Давно уже изречена правдивая сентенція, что «кто видѣлъ только одинъ памятникъ, тотъ не видѣлъ ничего, а кто видѣлъ 100 памятниковъ, тотъ видѣлъ одинъ». Памятники эти необходимо сравнивать между собою и различать въ нихъ черты иногда, повидимому, мелочныя, но имѣющія свою важность въ установкѣ общихъ положеній; необходимо классифицировать ихъ по сходству основныхъ чертъ, распредѣлять на хронологическія, а иногда и мѣстныя группы. Это первоначальный подготовительный моментъ работы. Обойти его невозможно; равнымъ образомъ невозможно держать этотъ матеріалъ про себя, не выставляя его на видъ: основы, на которыхъ утверждается выводъ, должны быть показаны налицо; иначе становится невозможною никакая повѣрка выводовъ. До сихъ поръ сравнительно большею извѣстностію пользуются памятники періода древне-христіанскаго; менѣе извѣстны памятники византійскіе, хотя и они уже обратили на себя вниманіе специалистовъ, а нѣкоторыя группы ихъ, какъ напр. миниатюры, получили и научно-художественную оцѣнку. Но для исторіи византійской иконографіи были бы необходимы сборники точныхъ снимковъ съ памятниковъ, а таковыхъ мы доселѣ еще не имѣемъ. Попытки въ этомъ родѣ Аженкура, Сомерара, Лякура, Рого-де-Флери и друг., доставляя лишь немногіе образцы византійской иконографіи, выбранные по личному усмотрѣнію названныхъ авторовъ не въ интересѣ цѣльной исторіи евангельской иконографіи, для насъ крайне недостаточны. Что касается памятниковъ иконографіи русской, то они извѣстны въ археологической литературѣ еще менѣе, чѣмъ памятники византійскіе. Отсюда необходимость предварительныхъ разысканій и изученія памятниковъ, разсыянныхъ по музеямъ Европы, по монастырямъ, соборамъ, церквамъ и частнымъ коллекціямъ любителей старины. Въ какой мѣрѣ намъ удалось преодолѣть это первое затрудненіе, видно будетъ въ своемъ мѣстѣ; несомнѣнно лишь то, что безъ этой предварительной работы была бы невозможна предпринятая нами попытка изложенія цѣльной исторіи евангельской иконографіи. Возможность научнаго обобщенія собранныхъ такимъ образомъ памятниковъ имѣетъ свою точку опоры въ основныхъ началахъ византійско-русской иконографіи и не противорѣчитъ присущему послѣдней развитію. Мнѣніе, что эта иконографія представляетъ собою конгломератъ явленій случайныхъ, возникающихъ по прихоти и капризамъ ремесленниковъ-иконописцевъ, принадлежитъ дилеттантамъ и не имѣетъ серьезныхъ фактическихъ основаній, если не считать такими основаніями отдѣльные случаи злоупотребленій, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ упоминается, между прочимъ, въ указѣ царя Алексѣя Михайловича, направленномъ противъ холуйскихъ иконописцевъ ¹⁾. Если возможно

¹⁾ И. Е. Забѣлинъ Матеріалы для истор. иконописи. Временникъ моск. Общ. Истор. и Древн. 1850, кн. 7, стр. 85—86.

говорить объ общих принципахъ школъ и періодовъ въ исторіи живописи западной, при полной свободѣ и оригинальности въ художественныхъ замыслахъ западныхъ художниковъ, то тѣмъ естественнѣе обобщеніе въ иконографіи византійско-русской, имѣющей характеръ по преимуществу іератической. Византійская иконографія съ первыхъ же шаговъ ея вступила въ союзъ съ религіею и служила ея цѣлямъ. На нее стали смотрѣть какъ на одно изъ средствъ къ религіозно-нравственному воспитанію народа. Взглядъ этотъ къ VIII столѣтію до такой степени укоренился, что на VII-мъ вселенскомъ соборѣ указано было на необходимость запретить всякія нововведенія въ иконографіи. Одинъ изъ участниковъ собора (діаконъ Епифаній) говорилъ, что вѣдѣнію художника должна подлежать одна только техническая сторона (τέχνη); сочиненіе же иконъ предоставлялъ онъ св. отцамъ и основывалъ его на древнемъ преданіи ¹⁾. Мы имѣемъ основаніе думать, что взглядъ Епифанія не представлялъ собою такого оригинальнаго явленія, которое бы могло поразить современниковъ и стать въ полный разладъ съ дѣйствительностію. Уваженіе къ преданію и подражаніе старинѣ, хотя бы и не переходившія въ иконописный шаблонъ, не допускающій развитія, воспитаны были въ художникахъ эпохою предшествовавшей, слѣдов. Епифаній съ этой стороны является выразителемъ воззрѣнія, находившаго свое приложеніе въ практикѣ, и отмѣчаетъ ту основу, на которой зиждется возможность научнаго обобщенія иконографическихъ памятниковъ; но онъ доводитъ этотъ взглядъ до крайности, рекомендуя репрессивныя мѣры, не соотвѣтствующія истинному положенію дѣла. Повидимому, эта крайность подмѣчена была отцами собора: контроль церкви надъ иконами не былъ ими организованъ; фактически онъ не только въ это время, но и никогда не имѣлъ мѣста. По крайней мѣрѣ во всей византійской исторіи, кромѣ эпохи иконоборства, разъяснившей и твердо установившей принципиальную сторону иконопочитанія, не видно болѣе или менѣе крупныхъ мѣропріятій относительно этого предмета. Церковная власть не только не предлагала какихъ-либо руководственныхъ правилъ по иконографіи, но и не протестовала противъ нововведеній. Между тѣмъ эти нововведенія не составляли явленія рѣдкаго. Расширеніе идей христіанскихъ распыряло иконографическіе циклы; умножались праздники, появлялись новыя сочиненія и сборники, мысли которыхъ переносились въ искусство, даже иногда прямо на стѣны храмовъ въ видѣ мозаикъ. И если мы взглянемъ теперь на нѣкоторые изъ памятниковъ византійской старины съ точки зрѣнія установившихся уже въ наше время понятій объ источникахъ иконографіи и вѣроученія, то, быть можетъ, найдемъ въ нихъ много излишняго и произвольнаго, чего не можетъ допустить богословская мысль, воспитанная на строгихъ формулахъ вѣроученія. Византійское отношеніе къ этому предмету было иное. Удерживая про себя взглядъ на икону, какъ предметъ почитанія и средство къ наученію народа, византійскіе богословы были далеки отъ того, чтобы къ каждому отдѣльному изображенію прилагать точно опредѣленный масштабъ вѣроученія и подвергать изображеніе критикѣ. Они хорошо знали, что самъ народъ не будетъ извлекать изъ иконографіи новыхъ догматовъ и создавать на этомъ шаткомъ основаніи новыя ереси и расколы; а потому допускали въ этой сферѣ относительную долю свободы, лишь бы иконографическія новшества не поражали глазъ явною тенденціозностію. Исторія иконографіи съ этой стороны аналогична съ исторіею богослужебнаго обряда. Совокупность византійскихъ богослужебныхъ обрядовъ создана отнюдь не точными опредѣленіями соборовъ или отдѣльныхъ лицъ, которыя бы занимались сочиненіемъ цѣльныхъ обрядовъ и церемоній и повсемѣстнымъ распространеніемъ ихъ. Число обрядовыхъ установленій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ соборамъ, крайне ограничено. Въ общемъ и цѣломъ обрядъ создавался исторіею. Церковная жизнь, внутреннія и внѣшнія условія ея развитія вызываютъ обрядъ, церковный обычай, сперва мѣстный, который съ теченіемъ времени получаетъ точно опредѣленные, въ письменныхъ уставахъ, формы и общецерковное признаніе. То же самое и въ иконографіи. И если, не смотря на существованіе опредѣленныхъ кодексовъ въ видѣ письменныхъ уставовъ, полагающихъ, повидимому, границы для обряда, церковь все-таки допускаетъ и вновь появляющіеся обряды и даже цѣльныя службы, то она допускаетъ измѣненія и въ церковной иконографіи. Но ни богослуженіе, ни иконографія не могутъ быть разсматриваемы какъ догматическія системы, въ которыхъ все содержаніе, до мельчайшихъ подробностей, санкціонировано и официально признано, и въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ частныхъ мнѣній и взглядовъ. Только со временемъ, когда будетъ выполнена грандіозная работа пересмотра всѣхъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, обрядовъ, иконографіи и т. д., католики и протестанты будутъ имѣть право обращаться къ этимъ предметамъ, какъ къ одному изъ источниковъ православной догматики. Какъ бы то ни было, но VII вселенскій соборъ не установилъ

¹⁾ Οὗ ζωγράφου ἑφεύρεσις ἢ τῶν εἰκόνων ποιήσις, ἡ ἀλλὰ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας... ἔγκριτος θεομοθεσία καὶ παράδοσις... τοῦ γὰρ ζωγράφου ἢ τέχνη μόνον, ἢ δὲ διάταξις πρόδηλον τῶν... ἀγίων πατέρων. Harduin Acta concil. ed. 1714, t. IV, p. 360.

репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ иконографіи, хотя уваженіе къ преданію, выраженное Епифаніемъ, соотвѣтствовало духу его опредѣленій и общему тогдашнему воззрѣнію на религіозную живопись. Иконографическое единообразіе въ Византіи поддерживалось не внѣшними мѣропріятіями со стороны церкви, но характеромъ воспитанія художниковъ, общимъ установившимся складомъ понятій о церковномъ искусствѣ, общимъ принципомъ консерватизма восточной церкви. Оно допускало и развитіе, но это послѣднее, по своей внутренней сторонѣ, было не столько продуктомъ личной изобрѣтательности, сколько выраженіемъ идей и понятій, уже вошедшихъ во всеобщее обращеніе. Нововведенія были легко усвояемы, вызывали подражанія и мало по малу увеличивали собою запасъ традиціонныхъ иконографическихъ формъ. Очевидно, обобщеніе результатовъ развитія, имѣющаго такой условный характеръ, исполнѣ возможно. Спустя цѣлыхъ восемь столѣтій послѣ названнаго собора, когда западная Европа могла выставить длинный рядъ блестящихъ художественныхъ школъ и направленій, въ которыхъ уже не только не осталось явныхъ слѣдовъ византійскаго вліянія, но совершенно измѣнился и основной взглядъ на задачи искусства, у насъ въ Россіи снова выдвигается старинное начало уваженія къ преданію и копированію священныхъ изображеній съ лучшихъ древнихъ греческихъ и русскихъ образцовъ. Выразителемъ его является Стоглавый соборъ. Его опредѣленіе не имѣло практическихъ послѣдствій; но для насъ важенъ тотъ фактъ, что здѣсь поддерживается старинный взглядъ на иконографію, какъ на предметъ имѣющій устойчивость и опредѣленность въ своихъ формахъ. Наконецъ, что такое греческіе и русскіе иконописные подлинники, какъ не явное доказательство той же иконографической опредѣленности? Они предлагаютъ описанія всѣхъ важнѣйшихъ изображеній въ руководство иконописцамъ и слѣд. предполагаютъ возможность и необходимость однообразія, подчиненія извѣстнымъ правиламъ; а сохранившіеся памятники съ полною очевидностію подтверждаютъ, что требованія подлинниковъ не только не противорѣчили наличной дѣйствительности, но и задерживали стремленія къ личному художественному произволу, т. е. содѣйствовали достиженію той цѣли, къ которой тщетно стремился Стоглавый соборъ. Пусть подлинники эти, не смотря на увѣренія ихъ предисловій, не восходятъ къ византійской эпохѣ; но они по крайней мѣрѣ свидѣлствуютъ, что такой взглядъ на иконографію держался у насъ въ XVI—XVIII вв. Съ этой стороны иконографія византійско-русская совершенно отличается отъ западной. Чтобы правильно оцѣнить это отличіе, нужно обратить вниманіе именно на ихъ основные принципы. Въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ та и другая могутъ иногда сближаться между собою, но принципиально онѣ разошлись уже въ XIII вѣкѣ: на западѣ уничтожена граница между иконографіею церковною и свѣтскою; въ той и другой одинаково господствуетъ индивидуальная мысль и вдохновеніе художника, не сдерживаемая никакою традиціею; въ иконографію церковную вводятся совершенно новыя формы и ихъ достоинства опредѣляются при помощи того же критерія, который прилагается къ искусству свѣтскому: икона, предназначенная для храма, трактуется какъ любая картина, предназначенная для салона. Такая картина можетъ увлекать чувство и воображеніе, можетъ вызвать и чувство восторженнаго умиленія, и горькій плачь, но она не соотвѣтствуетъ восточно-православному воззрѣнію на икону, какъ на одно изъ учительныхъ средствъ и—предметъ религіознаго почитанія. Наши предки проводили границу между церковною иконографіею и свѣтскою живописью, равно какъ и между учительствомъ церковнымъ и частнымъ. Икона, какъ выраженіе извѣстной мысли въ извѣстныхъ установившихся формахъ, по воззрѣнію ихъ, не должна допускать произвольныхъ измѣненій. Воззрѣніе это явилось, какъ прямой выводъ изъ общаго взгляда на церковную обрядность. Оберегая отъ новшествъ обрядъ, предки наши оберегали и иконографію. Нашъ современный взглядъ и практика по отношенію къ этимъ предметамъ не отличаются такою послѣдовательностію. Мы относимся съ справедливымъ уваженіемъ не только къ догматическимъ и каноническимъ, но и обрядовымъ преданіямъ старины, охраняемъ ихъ отъ произвольныхъ искаженій, возбуждаемъ вопросы объ однообразіи въ церковной практикѣ, стараемся согласовать ее съ древними преданіями; что же касается иконографіи, то ее предоставляемъ въ полное распоряженіе неприванныхъ художниковъ, воспитанныхъ совсѣмъ не въ томъ духѣ, какой требуется для церковной живописи. Какъ будто это такое дѣло, которое не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о церковности. Не говоря о непослѣдовательности, отсюда происходитъ то, что наша иконографія утрачиваетъ все болѣе и болѣе свой опредѣленный характеръ и превращается въ жалкое копированіе съ западныхъ картинъ; достоинства внутренняго содержанія ея приносятся въ жертву реализму; заимствованныя съ запада иконографическія формы и композиціи иногда прямо становятся въ разладъ съ преданіями восточной церкви, какъ напр. нерукотворенный образъ съ терновымъ вѣнкомъ и восточное сказаніе о происхожденіи его; стѣнные росписи въ храмахъ располагаются безъ опредѣленнаго порядка, и такимъ образомъ исчезаетъ поучительная символика храма, выражаемая его древними стѣнописями; даже въ церковныхъ иконостасахъ орнаментика начинаетъ вытѣснять иконографію. Отсут-

ствіе опредѣленнаго взгляда на характеръ и задачи церковной иконографіи, полный произволъ, слѣпое подражаніе западу,—вотъ что показываетъ намъ наша современная дѣйствительность. Исключенія рѣдки.

Итакъ, господствовавшее въ древности воззрѣніе на церковную иконографію даетъ основаніе разсматривать древніе памятники совмѣстно, какъ выраженіе извѣстной опредѣленной мысли. Ихъ группировка на основаніи сходства формъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и группировка по внутреннему содержанію. Въ процессѣ археологической работы внѣшняя классификація памятниковъ занимаетъ первое мѣсто; но не въ ней заключается конечная цѣль иконографическаго изслѣдованія. Сами по себѣ группы памятниковъ составляютъ лишь костякъ, требующій одухотворенія. Опредѣленная схема, составленная путемъ отвлеченія отъ наличныхъ памятниковъ, предполагаетъ опредѣленное внутреннее содержаніе. Правда ли это и гдѣ искать ключа къ разгадкѣ внутренняго смысла иконографическихъ композицій? Если византійская иконографія всегда стояла въ тѣсномъ союзѣ съ религіею, то понятно, что ея формы должны выражать опредѣленныя мысли и понятія. Иначе была бы невозможна и постоянная повторяемость композицій, какую мы замѣчаемъ въ ея исторіи: явленія случайныя, недостаточно опредѣленныя со стороны ихъ внутренняго содержанія, едва ли могли бы найти всеобщее признаніе. Въ иконографическихъ произведеніяхъ византійскихъ художниковъ элементъ субъективный занимаетъ второстепенное мѣсто; они старались держаться въ области мыслей и понятій обще-распространенныхъ, облекая ихъ въ художественныя формы. Стоя на высотѣ современнаго имъ знанія, они переводили его въ иконографію. Невозможно утверждать, что византійская иконографія обнимаетъ собою всю совокупность этого знанія; область ея гораздо уже, и всякая попытка съ нашей стороны—дополнить памятниками иконографіи недостатокъ памятниковъ письменности не могла бы имѣть успѣха. Вѣрно лишь то, что византійскіе художники одушевлены были тѣми же идеями, вращались въ кругѣ тѣхъ же мыслей и понятій, что и современные имъ религіозные мыслители. Отсюда возможность сопоставленія ихъ произведеній съ памятниками древней письменности; по этимъ послѣднимъ возможно точно опредѣлить внутреннее содержаніе иконографическихъ композицій. Главная задача состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы найти эти памятники и опредѣлить ихъ дѣйствительную связь съ памятниками иконографическими. Въ примѣненіи къ иконографіи евангельской такимъ памятникомъ письменности, какъ уже замѣчено, служитъ прежде всего Евангеліе: въ немъ даны не только всѣ основныя темы евангельской иконографіи, но и указаны нѣкоторыя подробности характеровъ, типовъ, обстановки, исторіи событій, важныя въ дѣлѣ художественнаго творчества. Но если не всегда и во всемъ этотъ первоисточникъ былъ достаточенъ для художниковъ, то онъ недостаточенъ и для научнаго объясненія памятниковъ древней евангельской иконографіи. Многія событія переданы въ Евангеліи очень кратко, и для художественной передачи ихъ требовались дополненія изъ другихъ источниковъ; а потому для объясненія иконографическихъ явленій этого рода необходимо обращеніе къ инымъ памятникамъ письменности, кромѣ Евангелія. Ни оцѣнка, ни даже перечисленіе ихъ, не могутъ имѣть здѣсь мѣста; рѣчь о нихъ—въ самомъ разборѣ иконографскихъ сюжетовъ. Здѣсь достаточно упомянуть, что памятники эти весьма разнообразны по своему характеру: одни экзегетическіе, другіе историческіе, гомилетическіе, литургическіе. Не послѣдніе мѣсто въ ряду ихъ занимаютъ и памятники апокрифической письменности. На нихъ, какъ на источникъ иконографіи, указываютъ съ настойчивостію многіе спеціалисты; назовемъ гр. А. С. Уварова, де-Ваала, Н. П. Кондакова, А. И. Кирпичникова, Е. В. Барсова, гг. Айналова и Рѣдина. Увлеченіе ими иногда доходитъ до такихъ крайностей, которыя возможно объяснить только недостаточнымъ знакомствомъ съ памятниками иконографіи, какъ напр. въ замѣчаніяхъ по этому предмету г. Сахарова ¹⁾. Серьезное, въ границахъ точныхъ фактовъ, сопоставленіе ихъ съ памятниками иконографіи, имѣетъ свои основанія: оно возможно въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ по отношенію къ памятникамъ древне-византійскимъ, такъ особенно средне-вѣковымъ западнымъ и русскимъ XVII столѣтія, когда вошли у насъ въ моду лицевыя сказанія о страстяхъ Господнихъ. Однако, какъ бы мы ни смотрѣли на происхожденіе и значеніе апокрифовъ,—признаемъ ли въ нихъ произведеніе древнихъ еретиковъ, пущенное въ ходъ съ цѣлью пропаганды еретическихъ заблужденій, или просто плодъ благочестиво настроеннаго воображенія, вызванный краткостію подлинныхъ Евангелій; признаемъ ли содержаніе ихъ всецѣло вымысломъ фантазіи, или найдемъ въ нихъ долю истины, перешедшую сюда отчасти изъ подлинныхъ Евангелій, отчасти изъ преданія неписаннаго, во всякомъ случаѣ отношеніе къ гимъ византійской иконографіи не имѣетъ тенденціознаго характера. Цѣльныхъ лицевыхъ кодексовъ апокрифическихъ Евангелій у византійцевъ не было; по крайней мѣрѣ намъ не удалось здѣсь найти ничего подобнаго. Ни одно изъ догматическихъ заблужденій, проведенныхъ въ апокрифическихъ Евангеліяхъ, не

¹⁾ Христ. чт. 1888 г. № 3—4, стр. 296.

нашло болѣе или менѣе яснаго отраженія въ византійской иконографіи. Внѣшнія подробности событій, рассказанныхъ въ подлинныхъ Евангеліяхъ,—вотъ почва, на которой сходится иногда византійская иконографія съ апокрифами. Но эти подробности повторяются нерѣдко и въ другихъ памятникахъ древней письменности, не имѣющихъ со стороны догмы ничего общаго съ апокрифами. До сихъ поръ остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, какъ возникло это послѣднее сходство: объясняется ли оно путемъ заимствованій непосредственно изъ апокрифовъ, или же заимствованиемъ изъ древнѣйшихъ преданій, которыми пользовались также и составители апокрифовъ. Нѣкоторыя подробности евангельскихъ рассказовъ упоминаются у церковныхъ писателей, повидимому, ранѣе, чѣмъ самые апокрифы получали законченный видъ, и несомнѣнно гораздо ранѣе, чѣмъ послѣдніе занесены были въ *index librorum prohibitorum*.

Опредѣливъ задачи и пути нашего изслѣдованія, перейдемъ къ обзорѣ источниковъ евангельской иконографіи. Это необходимо во 1-хъ потому, что многіе источники еще доселѣ не извѣстны въ церковно-археологической наукѣ и появляются впервые здѣсь, а источники, прежде извѣстные другимъ авторамъ, рассматриваются нами подъ инымъ угломъ зрѣнія; во 2-хъ потому, что пользуясь этими источниками для объясненія исторіи отдѣльных иконографическихъ сюжетовъ, мы по необходимости должны будемъ разорвать нѣкоторые изъ нихъ на составныя части; но такъ какъ они представляютъ свой особый интересъ и въ цѣльномъ видѣ, то необходима особая характеристика ихъ, какъ памятниковъ цѣльныхъ, съ ихъ существенными признаками, занимающихъ то или другое мѣсто въ общей серіи памятниковъ евангельской иконографіи; въ 3-хъ, обзорѣ источниковъ покажетъ намъ общій историческій ходъ евангельской иконографіи; наконецъ въ 4-хъ, оно представитъ наглядное доказательство того, въ какой мѣрѣ присуща полнота нашему изслѣдованію.

А) Первое мѣсто въ ряду источниковъ евангельской иконографіи византійско-русской должно быть отведено древнимъ кодексамъ лицевыхъ Евангелій. Въ полныхъ лицевыхъ Евангеліяхъ находится цѣльный и полный иконографическій циклъ евангельскихъ событій, чего нѣтъ ни въ одной изъ остальныхъ группъ памятниковъ. Въ нихъ однихъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя чудеса Евангелія, нѣкоторыя притчи, рѣчи, шествія и т. п., т. е. такія подробности, къ которымъ приводилъ миниатюристовъ послѣдовательный рассказъ Евангелистовъ, но для отдѣльнаго представленія которыхъ напр. на иконѣ, въ церковной мозаикѣ не было настойчивыхъ побужденій. Но отличаясь этою численною полнотою, лицевыя Евангелія не заключаютъ въ своихъ иллюстраціяхъ той широты и свободы замысла, той оригинальности въ сочиненіи сюжетовъ, какія возможны въ иныхъ памятникахъ и даже въ миниатюрахъ нѣкоторыхъ рукописей, напр. псалтирей, гомилій Іакова, сочиненій поучительнаго характера. Лицевыя Евангелія предназначались не столько для частнаго, сколько для церковнаго употребленія. Предъ сознаніемъ миниатюристовъ постоянно находился неприкосновенный, не допускающій ни сокращеній, ни добавленій текстъ Евангелія, какъ главное, опредѣляющее иконографическія композиціи, начало. А потому въ лицевыхъ Евангеліяхъ даже XII вѣка нерѣдко можно встрѣтить такія простыя сочиненія сюжетовъ, которыя въ иныхъ памятникахъ уже замѣнены были въ то время другими, сложными изображеніями. Миниатюристы лицевыхъ Евангелій не задавались цѣлю восполнить евангельскій текстъ посредствомъ наглядныхъ формъ, основанныхъ на иныхъ источникахъ и такимъ образомъ комментирующихъ Евангеліе. Такія стремленія, если бы они дѣйствительно имѣли мѣсто, должны были бы значительно видоизмѣнить тѣ простыя иконографическія схемы, какія мы теперь видимъ въ древнихъ лицевыхъ Евангеліяхъ. Въ сущности задачи миниатюристовъ Евангелій были гораздо скромнѣе. Они старались передать въ наглядныхъ формахъ лишь прямое объективное содержаніе евангельскаго текста. Если такія иллюстраціи и могли служить цѣлямъ дидактическимъ, то лишь настолько, насколько наглядность вообще усиливаетъ впечатлѣніе, производимое простымъ рассказомъ. Но такъ какъ иконографическія традиціи Византіи, подъ вліяніемъ іератическаго принципа, отличались устойчивостію и опредѣленностію и такъ какъ не только мозаисты, иконописцы, скульпторы, но и миниатюристы воспитывали свой художественный вкусъ и практическій навыкъ на традиціонныхъ формахъ, то отсюда происходило то, что иногда миниатюристы вносили въ миниатюры Евангелій и такія подробности, о которыхъ нѣтъ рѣчи въ евангельскомъ текстѣ, но которыя издревле, бывъ введены въ область иконографіи, повторялись, согласно преданію, на памятникахъ всякаго рода. Сила привычки покрывала теоретическія соображенія буквализма и точности и препятствовала рѣзкой обособленности евангельскихъ миниатюръ среди памятниковъ инаго порядка. Такихъ отклоненій въ сторону въ лицевыхъ рукописяхъ Евангелій не много; притомъ они не составляютъ явленія исключительнаго въ общемъ кругѣ византійской иконографіи, созданнаго съ преднамѣренною цѣлю комментирования Евангельскаго текста. Главнѣйшая роль лицевыхъ рукописей Евангелій въ общей исторіи византійской иконографіи состоитъ въ

томъ, что они создаютъ вновь иконографическія формы для нѣкоторыхъ сюжетовъ на частныя темы Евангелія и такимъ образомъ сообщаютъ цѣльность общему циклу евангельской иконографіи.

Древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ списковъ лицевыхъ Евангелій не восходятъ ранѣе VI вѣка. Были ли эти, извѣстные теперь намъ, списки первыми опытами лицевыхъ Евангелій, или же они представляютъ собою копіи съ образцовъ болѣе древнихъ? Въ иконографіи предшествовавшего времени были многія изъ тѣхъ изображеній, которыя вошли и въ эти древнѣйшіе кодексы: мы встрѣчаемъ ихъ уже въ мозаикѣ и скульптурѣ IV—V вв., и историческая связь между ними—внѣ всякаго сомнѣнія. Относительно одного изъ этихъ кодексовъ—сирскаго Евангелія Раввулы давно уже вѣрно замѣчено, что небрежная грубость или техническая неумѣлость исполненія его миниатюръ и въ тоже время искусство композиціи указываютъ на то, что миниатюристъ долженъ былъ пользоваться готовыми оригиналами ¹⁾. Но существовали ли раньше особые списки лицевыхъ Евангелій? Ни такихъ памятниковъ, ни болѣе или менѣе опредѣленныхъ указаній на нихъ до насъ не дошло. Памятники древней письменности говорятъ объ этомъ предметѣ глухо. Изъ нихъ мы узнаемъ о существованіи въ IV—V вв. драгоценныхъ кодексовъ Евангелій, съ роскошными украшеніями, но они не говорятъ прямо о миниатюрныхъ изображеніяхъ лицъ и событій Евангелія. Евсевій свидѣтельствуетъ, что императоръ Константинъ поручилъ ему изготовленіе книгъ для константинопольскихъ церквей, что въ числѣ таковыхъ были хорошо написанные и даже роскошно приготовленные трехъ и четырехлистовые свитки ²⁾; тутъ были, вѣроятно, и Евангелія; но о свящ. изображеніяхъ въ нихъ историкъ не говоритъ ни слова. I. Златоустъ въ 32 бесѣдѣ на Ев. Іоанна упоминаетъ о бывшихъ въ употребленіи христіанъ его современниковъ роскошныхъ спискахъ библии, написанныхъ на великолѣпномъ матеріалѣ (τῶν ὑμένων λεπτότητος) превосходнымъ шрифтомъ (τὸ τῶν γραμμάτων κάλλος), золотыми буквами (χρυσοῖς γραμμασίιν εὐευχευμένον) ³⁾. Кедринъ говоритъ, что императоръ Константинъ украсилъ Евангелія городской великой церкви золотомъ и драгоценными камнями ⁴⁾; но эти украшения, очевидно, относятся къ окладамъ Евангелій; подобныя же украшения имѣются въ виду въ разсказѣ объ императорѣ Зенонѣ, который почтилъ ими кодексъ, найденный на груди ап. Варнавы въ 485 году ⁵⁾. О Θεодосίῳ младшемъ извѣстно, что онъ былъ хорошимъ каллиграфомъ ⁶⁾. Вообще, искусство каллиграфіи—дѣло безспорное не только для IV—V в., но и для III в. Извѣстно также и то, что цѣнные кодексы Евангелій хранились въ изящныхъ ларцахъ и пользовались почетомъ ⁷⁾. До насъ дошли и памятники миниатюрной живописи ранѣе VI в., но эти миниатюры имѣютъ характеръ античный: почва для нихъ подготовлена была предшествовавшею исторіею искусства, чего нельзя сказать въ той же мѣрѣ по отношенію къ иллюстраціи Евангелія. Творчество собственно христіанское требовалось для послѣдней гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ, напримѣръ, для иллюстрацій Иліады, твореній Virgilia и даже книги бытія, иллюстрированные списки которыхъ восходятъ ранѣе VI в. А потому, если уцѣлѣвшіе до насъ лицевыя Евангелія суть копіи, все-таки не далеко отъ нихъ по времени стоятъ и ихъ оригиналы. Археологическія данныя не позволяютъ отодвигать начало лицевыхъ Евангелій ранѣе V и даже VI в. Въ первыя три столѣтія христіанства разрабатывался символическій циклъ христіанскихъ изображеній и намѣченъ былъ переходъ отъ искусства греко-римскаго къ самобытному христіанскому искусству; художественная энергія IV—V в.в. направлена была на разработку главнѣйшихъ типовъ и сюжетовъ въ духѣ христіанскомъ: искусство христіанское стало на новую дорогу, и хотя замѣтно еще нѣкоторое колебаніе и непоследовательность въ обращеніи съ фортами античными и христіанскими, но ясно, что поворотъ назадъ невозможенъ; основныя задачи искусства уже намѣчены твердо. Въ VI в. колебаніе прекратилось; христіанское искусство развилось и окрѣпло. Если сравнить равенскія мозаики V в. (ваптистеріи, ц. Галлы Плакиды) съ мозаиками VI в. (ц. Аполлинарія Новаго, Виталія), то будетъ видно, какой рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ искусствомъ по новому направленію въ продолженіи одного столѣтія: тоже можно видѣть и на другихъ довольно многочисленныхъ памятникахъ того времени. Сознаніе художественной силы и умѣнья обращаться съ христіанскими темами, обширный запасъ готоваго матеріала, могли вызвать визан-

¹⁾ Н. П. Кондаковъ Истор. визант. иск. 71.

²⁾ Vita Const. IV, 36—37. Valesii historiae eccles. scriptores; ed. 1746, t. I.

³⁾ Migne Patrol. c. c. s. gr. t. LIX, col. 187.

⁴⁾ ...Ἀλλὰ καὶ πτόχας εὐαγγελίων χρυσᾶς διὰ μαργάρων καὶ λίθων κατασκευάσας ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ προσήγαγε θαύματος ἀξίας Corp. script. hist. byzant. Ed. Nieburii. Georgius Cedrenus t. I p. 517.

⁵⁾ Ciampini Vet. monim. t. I p. 132.

⁶⁾ Muralt Chronogr. byzant. t. I p. 16.

⁷⁾ Факты: Kraus Real-Encyclopädie der christl. Alterthümer I, 457.